1.

Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница.

Въ нѣвкоторомъ было царствѣ, въ нѣвкоторомъ было государствѣ, жилъ былъ князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ. Выходилъ князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ на свой высокій крылецъ и кричалъ своимъ громкіимъ голосомъ: «Сходитеся, князья и бояре и сильные могучіе богатыри, ко мнѣ на высокъ на красёнъ крылецъ, и буду я у васъ просить просьбу, и сослужите мнѣ службу, а не службу—дружбу. Кто жь бы съѣздилъ на рѣку на Смородину, убилъ бы змѣя объ двѣнадцати головахъ, объ двѣнадцати хоботахъ?» Всѣ друзья-бояре соходились и его приказу боялись, и другъ за дружку прятались: баринъ за барина, дворянинъ за дворянина, мужикъ за мужика. Выбирался изъ нихъ одинъ Алеша Поповъ сынокъ: жеребячей родни, и говоритъ князю Володиміру: «Я вамъ сослужу службу, а не службу—дружбу; съѣзжу на рѣку на Смородину, убью змѣя о двѣнадцати головахъ, о двѣнадцати хоботахъ». И выходитъ впередъ, подходитъ къ князю вплоть и говоритъ: «Князь Володиміръ, пожалуйте мнѣ водки: у меня съ похмѣлья головушка болитъ!» Приказалъ князь дать ему водки зелена вина полъ-ведра. Онъ же, Алешенька Поповъ сынокъ, ее одной рукой принималъ и однимъ духомъ выпивалъ. Говоритъ Алеша Поповъ сынокъ: «Эхъ князь Володиміръ Красное Солнышко, Суслаевичъ, хороша бражка да мала чашка. Итакъ я, добрый молодецъ, только опохмѣлился!» И сталъ просить Алеша Поповъ сынокъ у князя на недѣлю сроку пріизыскать себѣ еще двоихъ товарищей. Князь отвѣчалъ ему: «Алеша поповъ сынокъ, вотъ тебѣ сроку на два мѣсица, только съѣздій».

Алешенька ходилъ по деревнямъ, по кабакамъ и по трактирамъ и нашелъ себѣ товарища, добраго молодца Добрынюшку, сына Микитьича. Говоритъ ему: «Здравствуй братъ, добрый молодецъ Добрынюшка, сынъ Микитьичъ! Пойдемъ со мной сослужить службу князю Володиміру Красному Солнышку Суслаевичу, съѣздить на рѣку на Смородину, убить змѣя объ двѣнадцати головахъ объ двѣнадцати хоботахъ». Отвѣчаетъ добрый молодецъ Добрынюшка на отвѣтъ его слово: «Я, братъ, молодецъ Алешенька, готовъ бы тебѣ службу служить, да только головушка съ похмѣлья болитъ, не можется». Отвѣчаетъ Алешенька: «Пойдемъ, я тебя опохмѣлю». Повелъ же Алешенька къ князю Володиміру. Подходятъ къ его крыльцу; говоритъ Алешенька князю: «Князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ, пожалуйте водки, зелена вина ведро». Князь Володиміръ приказалъ вынести зелена вина ведро. Добрый молодецъ Добрынюшка одной рукой принималъ, единымъ духомъ выпивалъ. «Благодарю, братъ, Алеша, Поповъ сынокъ, что меня опохмѣлилъ; готовъ служить службу до жизни вѣку». Сказалъ ему Алешенька: «Поди, братъ, погуляй, а я себѣ третьяго товарища пріищу». Ходилъ нѣсколько Алеша Поповъ сынокъ по кабакамъ, по трактирамъ и по селеньямъ и не могъ себѣ третьяго товарища найти. При край же того селенья кабачишка стоитъ на боку, и бокомъ въ него не влѣзешь, и тутъ самое гадное мѣсто, гдѣ пьяные ходятъ до вѣтру, и тутъ валяется человѣкъ, весь въ дрянѣ заморанный. Онъ посмотрѣлъ въ лице — лице его знакомое. Сталъ онъ его будить и сталъ его трыкать, и въ ж..у его сталъ пинкомъ пинать. И вдругъ онъ проснулся, глаза открылъ и смотритъ на него. «Что ты, братъ, меня будишь и трыкаешь, и въ ж..у пинкомъ пинаешь? Узналъ ли ты меня?» «Какъ тебя мнѣ не узнать? Здраствуй, Ивашка Бѣлая рубашка, горькій пьяница! Я третій день тебя ищу. Какъ мнѣ тебя нужно!» Отвѣчаетъ ему Ивашка Бѣлая рубашка, Горькій Пьяница: «Что тебѣ меня, братъ, нужно, Алеша Поповъ сынокъ?» Отвѣчаетъ ему Алеша Поповъ сынокъ со слезами: «Я, братецъ, до твоей просьбы. Проситъ князъ насъ и васъ сослужить ему службу, а не службу—дружбу: съѣздить на рѣку на Смородину, убить змѣя объ двѣнадцати головахъ, объ двѣнадцати хоботахъ. Сказалъ Алешѣ, Попову сынку, Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница: «Готовъ служить; только не могу: голо-

вушка болитъ. Вечóръ я у друга на балу былъ». Отвѣчаетъ Алеша Поповъ сынокъ ему: «Эхъ, братъ, Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, пойдемъ, я тебя опохмѣлю!» Встаетъ съ радостью Ивашка; всталъ, встряхнулся, на всѣ на четыре стороны оглянулся. «Куды же, братецъ, ты меня поведешь опохмѣлиться?» Говоритъ Алеша Поповъ сынокъ: «Иди за мной!» Подводитъ къ князю на крылецъ, кричитъ Алеша Поповъ сынокъ: «Князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ! Подай чару зелена вина въ полтора ведра! Нашелъ я третьяго себѣ товарища, у него съ похмѣлья головушка болитъ, и не можетъ онъ словъ говорить и службу служить». Князь Володиміръ выходитъ и вина выноситъ полтора ведра. Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, одной рукой принималъ, однымъ духомъ выпивалъ и говоритъ Алешѣ Попову сынку: «Ну, братъ Алексѣй, теперь я опохмѣлился; этто, намъ проклажаться нечего, а надо куды вздумали ѣхать». Говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница: «О братцы товарищи! Поѣдемте въ мои заповѣдные луга! Въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ ходитъ табунъ коней!»

Приходятъ они въ заповѣдные его луга, стали коней выбирать. Алеша Поповъ сынокъ перваго коня себѣ нашелъ. Добрынюшка молодецъ, сынъ Микитьичъ, втораго коня себѣ нашелъ. Въ третій разъ Ивашка пошелъ самъ себѣ коня искать. Ходилъ, нѣсколько обошелъ коней, не могъ себѣ найти такого коня, чтобъ во вѣки могъ ему служить. Котораго возьметъ за гриву—голову оторветъ, котораго за хвостъ—хвостъ выдернетъ; наложитъ на спину—спина переломится. Обратился Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, на восходъ краснаго солнышка, закричалъ своимъ громкимъ голосомъ, богатырскіимъ: «Гой еси, гдѣ ты мой добрый конь Сивка-Бурка?» Услыхалъ же Сивка-Бурка голосъ хозяйскій; шибко бѣжитъ, ажь земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, изо рту пламя пышетъ. Онъ въ одно ушко влѣзъ, напился, наѣлся; въ другое влѣзъ—чище того нарядился. И такъ сталъ добрый молодецъ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. И такъ добры молодцы сѣли на добрыихъ коней, поѣхали во чисто поле, во дикую степь. Горы долы перепрыгиваютъ, темные лѣса межу ногъ пускаютъ. Было имъ ѣхать на то мѣсто, на рѣку на Смородину три года, они доѣхали въ три мѣсяца. Пріѣзжаютъ на рѣку на Смородину;

на рѣкѣ на Смородинѣ нѣтъ ничѣмъ ничего, одинъ мостъ. И говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка своимъ братцамъ товарищамъ: «О, братцы товарищи! Давайте себѣ выстроимъ хижинку». И стали лѣсъ таскать. Какъ захватятъ—изъ корню выдернутъ, не очистимши сучки, въ стóпы складываютъ, избу дѣлаютъ.

Настлали потолокъ, и пристигаетъ ихъ тутъ темная ночь, имъ будетъ тутъ должно ночевать. И говоритъ Ивашка: «Ну, братцы товарищи, давайте кониться, кому достанется въ избеночкѣ спать, одному на путѣ на дорогѣ, на мосту ночевать. Стали кониться, и досталась первая ночь ночевать Алёшѣ Попову сынку ночку ночевать и на караулѣ стоять. Онъ, какъ завечеряло, беретъ свою сбрую ратную и копье булатное и отправляется на мостъ, на дорогу. Немного постоялъ—дрема его одолѣла, крѣпко спать захотѣлъ и думаетъ себѣ: «Дай пойду малость отдохну, потомъ проснусь». Легъ ненарочно и проспалъ всеё ночь. А Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ темная ноченька не спится, подушечка въ головушкахъ вертится. Всталъ, встряхнулся, на всѣ на четыре стóроны оглянулся и пошелъ въ путь дорогу и всталъ на мѣсто Алёшино, гдѣ Алеша Поповъ сынокъ стоялъ, и сотворилъ Іисусовую молитву; выломилъ калинову мостовину. Всталъ добрый молодецъ подперсѧ и вдругъ, словно открылась небесная колесница, и летитъ Змѣй о двѣнадцати головахъ и двѣнадцати хоботахъ, ногами топатъ, глазами хлопатъ, зубами скрéхчетъ и говоритъ Ивашкѣ сѡ страхомъ: «О, братъ Ивашка, прежде русскаго духа слыхóмъ не слы́хано, видѡмъ невúдано, а теперь русскій духъ въ очахъ появляется!» «Дунь, Ивашка, своимъ духомъ, повали лѣсу на́ версту, чтобы было намъ съ тобой гдѣ разойтись!» Отвѣчаетъ ему Ивашка: «Дунь», говоритъ,—«ты, проклятый Змѣй, проклятыми своими челюстя́ми, повали лѣсу на̀ версту, потому тебѣ нужно дунуть: я къ тебѣ пріѣхалъ гость и спорщикъ». Дунулъ Змѣй своими проклятыми челюстя́ми, повалилъ духомъ лѣсу на̀ версту. Начинаютъ биться и рубиться. Бились, рубились четыре часа ночи. Ивашка сбилъ съ него четыре главы. Змѣй обращаетъ и улетаетъ назадъ. Ивашка обращается мушкой и полетаетъ во погóнь змѣя, въ собственный его домъ. Въ его собственномъ домѣ Змѣева матушка по горенкѣ погуливала, Ивашку поругивала: «О курвинъ сынъ, прокурвинъ сынъ Ивашка,

побиваетъ м о в ѣ дитятку ни за̀ што! Когда поѣдетъ онъ во путь во дороженьку, сама я ему буду другъ да не вдругъ: напущу нѣсколько жару, и захочетъ онъ испить. Я сдѣлаю колодецъ, струбъ золотой, чару серебряну, воду саха́рную. Влѣзетъ напиться, а я его затоплю».

О т о б р а в ш и Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, ея поганыя слова, отправляется въ свою хижину, на свое мѣсто, и ложится на свою постель; а его братцы товарищи не чуютъ спятъ и у д . . ы пузыри. Разсвѣтало, день-бѣла̀ заря. До завтрака проспали. Спрашиваетъ ж е Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, Алешу Попова сынка: «А что, братъ Алексѣй, видѣлъ ли чего?» Отвѣчаетъ тотъ: «Не видалъ, братъ, никого». «Ну знать, братъ, счастье твое, что не видалъ ты никого». (Ну, а гдѣ онъ увидитъ на постели-то?)

Приходитъ вторая ночь. Встаетъ добрый молодецъ Добрынюшка, сынъ Никитьичъ, на означенное мѣсто, на путь на дорогу, на караулъ. Беретъ свою сбрую ратную и копье булатное и встаетъ на путь дорогу, на калиновый мостъ. Немножечко постоялъ и крѣпко больно задремалъ. Легъ ненадолго и сейчасъ спитъ. Всеё ночь проспалъ и никого не видалъ. А Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ, во второй разъ темная ноченька не спится, и подушечка въ головушкахъ вертится. Всталъ, встряхнулся, на всѣ на четыре стороны оглянулся и пошелъ на показанное мѣсто посмотрѣть. Сбруи ратной не имѣетъ и копья булатнаго не знаетъ. Всталъ на пути на дорогѣ, сотворилъ Іисусовую молитву, выломилъ калиновую мостовину и всталъ подперся́ добрый молодецъ, стоитъ. Вдругъ является лютый Змѣй со́ страхомъ и говоритъ Ивашкѣ: «Эхъ, Ивашка, Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница! Дунь, на двѣ версты лѣсу повали своимъ духомъ, чтобъ было намъ гдѣ разойтись». «Ты дунь, непріятель, своими погаными челюстя́ми, повали лѣсу на двѣ версты!» Дунулъ Змѣй, сдѣлалъ поля на двѣ версты. И стали биться, рубиться. Бились, рубились еще четыре часа, какъ вдругъ Ивашка размахнулся, смахнулъ съ него вразъ четыре головы. Обращаетъ лютый змѣй отъ него назадъ. Оборотился Ивашка комарикомъ, полетѣлъ за нимъ въ погóнь. Прилетаетъ и садится на окошечко въ его собственномъ домѣ. Змѣева м а м ы н ь к а по горенкѣ погуливала, Ивашку по-

ругивала: «Охъ курвинъ сынъ, раскурвинъ сынъ Ивашка побиваетъ мово дитятку ни за́ што! Я сама ему буду другъ да невдругъ: какъ поѣдетъ со рѣки Смородины во путь во дороженьку, напущу на ихихъ коней великую тягу, не смогутъ ногъ тащить. Сдѣлаю имъ садъ зеленый, траву шелковѹ; въ саду сдѣлаю кровать тесовѹ, подушки пухо́вы, одѣяла шелкѹвы. Они захочутъ добрыихъ коней покормить и сами отдохнуть: я тутъ ихъ и задушу».

Отобравши Ивашка ея поганыя слова, отправляется въ свою хижину, къ своимъ братцамъ товарищамъ. Говоритъ Ивашка: «Что, добрый молодецъ Добрынюшка, кого видѣлъ?» Отвѣчаетъ добрый молодецъ Добрынюшка: «Не видалъ братъ никого». «Ну, братъ счастье ваше, знать мое будетъ безсчастье». Завечеряло время немножечко. Водочки выпили, чайку покушали. Не ложивши ночи спать, пошелъ Ивашка въ путь во дорожку, на калиновый мостъ. Всталъ на калиновомъ мосту, сотворилъ Іисусовую молитву, выломилъ калиновую мостовину и подперся́ ей. Дрема къ нему близко нейдетъ, и сонъ его не беретъ. Тѣмъ же часомъ и временемъ является лютый Змѣй съ великіимъ шумомъ и великой бурей и такъ на Ивашку обращается злобно: «О», говоритъ,—«прежде у насъ русскаго духа слыхо́мъ не слыхано, видо́мъ не ви́дано, а нынче русскій духъ въ устахъ я́вится и въ глазахъ мечется! Дунь, Ивашка, своимъ духомъ на три версты, распространи мѣсто, чтобы было намъ съ тобой гдѣ разойтись. Живаго», говоритъ,—«сглотну!» Отвѣчаетъ ему Ивашка: «Дунь ты своими нечистыми челюстя́ми, на три версты повали лѣсу! Подавишься!» Змѣй какъ дунулъ, сдѣлалъ три версты поля. Стали биться, рубиться: бились рубились четыре часа, и сбилъ съ него Ивашка четыре главы; думалъ послѣднія, а онѣ всѣ на немъ, и Ивашка изъ силъ вышелъ и сталъ ему кориться и говоритъ: «Змѣй, охъ, братъ лютый Змѣй! Дай мнѣ съ родными распроститься! Пріостановись малость!» И Змѣй крѣпко изусталъ, далъ ему съ родными распроститься. Онъ не ради съ родными распрощенья, а для ради братьевъ разбужденья. Скинулъ съ лѣвой ноги сапогъ, насыпалъ полонъ песку и кинулъ въ свою хижину; конекъ съ нея сбилъ: хочется братьевъ разбудить. Сшибъ конекъ: они ничего не чуютъ. Змѣй лютый видитъ—дѣло обманъ, опять на него бросается биться. Одна нога у Ивашки обувши, друга бо́са.

Бились, рубились еще четыре часа. Ивашка обезсилѣлъ и сталъ прощенья просить. «О, братъ, лютый Змѣй, дай мнѣ прощенья и родительскаго попросить благословенья!» Онъ не ради благословенія, а ради братьевъ разбужденія. Скидаетъ Ивашка съ правой ноги послѣдній свой сапогъ, насыпаетъ полонъ песку. Какъ махнулъ въ свою хижину и потолокъ долой сшибъ, а братья не чуютъ, спятъ крѣпкой рукой. Вдругъ лютый Змѣй обращается на Ивашку опять. И бились, рубились пóлторы сутки; Ивашка обезсилѣлъ, сдѣлался и нáгій и бóсый и сталъ просить у лютаго змѣя покаянья и для дѣтей благословенія зáочно, не ради дѣтей благословенья, а ради братьевъ разбужденья. Скинулъ съ своей буйной головы свою богатырскую шляпу, насыпалъ полную песку, и насыпавши въ шляпу песку, бросилъ въ свою хижину, въ простѣнки. Простѣнки крѣпко застучали и врозь покатились. Его братья встрепенулись и видятъ на полянѣ пламя, и видятъ, что ихъ братъ товарищъ Ивашка Бѣлая Рубашка въ несчастьи. Взяли свою сбрую ратную и копья булатныя и пошли на на подмогу брату своему Ивашкѣ. Пошли добрые молодцы лютаго змѣя трепать, только сталъ головой мотать. Не поспѣтъ глазами мигать, какъ его стали головы летать. Главы его порубили и въ воду побросали и жистъ его рѣшили. Подходятъ добры молодцы къ своей разваленной хижинкѣ; подошли къ ней. Ивашка и говоритъ своимъ братьямъ товарищамъ: «Лягте, братцы, усните, а за мной есть дѣлишко». Они съ устатку легли, какъ мертвые покатились. Ивашка оборотился комарикомъ и полетѣлъ къ Змѣевой матушкѣ. Прилетаетъ, а сударыня матушка по горенкѣ погуливаетъ, Ивашку поругиваетъ: «Охъ курвинъ сынъ, раскурвинъ сынъ Ивашка, убилъ мово дитятку ни зá што! Я ему солью крестъ и повы́золочу: когда онъ поѣдетъ съ рѣки со Смородины во путь во дороженьку, обращуся я съ сѣнную копну кошкой, разорву его на пути на дорогѣ».

Онъ, отобравши ея поганыя слова, отправляется куда ему нужно. Прилетаетъ къ своимъ братьямъ товарищамъ; они спятъ. Онъ прилетаетъ и братьевъ своихъ разбуждаетъ: Нé коли намъ спать, а поѣдемте во путь во дороженьку домой». Они вставали, добрыхъ коней сѣдлали; осѣдламши добрыихъ коней, поѣхали домой. И сдѣлался превеликій ужасный жаръ, и

Алеша Поповъ сынокъ захотѣлъ пить: на конѣ не можетъ сидѣть и говоритъ: «Охъ, братцы товарищи! Пить хочу, словъ говорить не могу!» Вдругъ колодецъ является, Алексѣй съ коня бросается и говоритъ своимъ братьямъ товарищамъ: «Охъ братцы, товарищи постойте, напьемся!» Говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка Горькій Пьяница: «Что ты, Алеша Поповъ сынокъ, дурьей родни жеребеночекъ, съ коня бросаешься, глохтить торопишься? Самъ я прежде слѣзу со добра́ коня и протвѣдаю какова вода». Слѣзаетъ Ивашка съ добра́ коня, оголилъ свою саблю вострую и учалъ колодецъ рубить. Струбецъ раскололъ и воду завалилъ, и течетъ изъ него кровь и кость. И говоритъ Ивашка: «Вотъ, Алешинька Поповъ сынокъ, вотъ тутъ какая вода!» Сѣли на добрыхъ коней и поѣхали. Ѣхали долго ли, много ли, и напала превеликая тягость на коней. Кони не могутъ ногъ тащить, и Алешенька Поповъ сынокъ не можетъ на конѣ сидѣть: крѣпко спать хочетъ. Является садъ зеленый и трава шелкова́ (облажняетъ). И говоритъ Алеша Поповъ сынокъ: «Охъ, братцы товарищи! утѣха то какая — трава то шелкова́я! Коней то хорошо покормить и намъ хорошо на кроваткѣ отдохнуть». Отвѣчаетъ ему Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница: «Постой, братъ Алексѣй, я слѣзу съ добра́ коня, посмотри какова кровать, и можно ли на ней спать». Слѣзаетъ Ивашка со добра́ коня, оголилъ свою саблю вострую, восходитъ въ зеленый садъ, подходитъ къ тесовòй кроваткѣ. Сталъ рубить— только кровь да кости. Изрубилъ и въ кучу поклалъ, и поѣхали путемъ дорогой.

Много ли мало ли ѣхали, долго́ ли коротко́ ли, и приходятъ три дороги, и говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка своимъ братцамъ товарищамъ: «Вотъ, братцы, намъ приходитъ разставанье. Давайте конѝться, кому по которой дорогѣ ѣхать будетъ». Стали конѝться— Алешѣ досталось вправо; доброму мо́лодцу Добрынюшкѣ, сыну Микитьичу—влѣво; несчастному Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ—прямо. Онъ съ братьями распрощался, горькими слезами заливался. Распростились, поѣхали кто куда знаетъ. Вдругъ Ивашка обернулся назадъ: и бѣжитъ за нимъ кошка, съ сѣнну̀ю копну какъ сильный ви́хорь, и кричитъ громкимъ голосомъ: Охъ, Ивашка, топерича догоню, не упущу—разорву!» Видитъ Ивашка— дѣло плохо; слѣзаетъ со добра̀ коня, разсѣдлываетъ и бросаетъ

черкасское сѣдло. Чуть поспѣлъ сѣсть на добрà коня, и разломала она черкасское сѣдло, изгрызла, все съѣла. Онъ опять ускакалъ шибкимъ бѣгомъ. Она же сѣдло изорвалà и опять его догналà. Онъ слѣзъ со добрà коня, ударился бѣжать. Она начинаетъ его добраго коня рвать. Изорвалà, мясо сожралà, кости въ кучу поклàлà и опять за нимъ въ погонь погналà. Онъ бѣжитъ, что ни оглянется, бѣгу ногами прибавляется. И вдругъ на его пути является кузница. Въ кузницѣ дверь желѣзна запирается. Въ этой кузницѣ двѣнадцать кузнецовъ, добрыхъ молодцевъ. Они куютъ, принаковываютъ; рѣчь говорятъ, приговариваютъ. Онъ подбѣгаетъ къ кузницѣ со слезами, просится къ нимъ: «Господа кузнецы, отверзите двери отъ кузницы, пустите меня, отведите отъ злой смерти! Поѣдаетъ меня кошка съ сѣннýю кошну!» Кузнецы двери отворили, онъ туды мырнулъ. Она только за одежу не успѣла схватить. Заперли его въ кузницѣ, и бѣгаетъ кошка вкругъ нея, съ превеликіимъ шумомъ и говоритъ: «О, господа кузнецы, отдайте мово нéдруга!» Они говорятъ на отвѣтъ ей: «Прогрызи нашу желѣзную дверь и явись къ намъ въ кузницу—отдадимъ тогда тебѣ нéдруга!» Начала она грызть—однимъ часомъ прогрызла въ ростъ свой дыру. Поколѣ она время продолжала, дверь прогрызала они же всѣ двѣнадцать молодцовъ положили двѣнадцатеро клещи въ горны. Является она въ кузницу; взяли они ее въ руки, горячими клещами ее сжали и на наковальню клали, въ двѣнадцать молотковъ ее били; за Ивашку застояли и сдѣлали для Ивашки изъ ней добраго коня, и сажали Ивашку на добраго коня и посылали ѣхать кругъ своей кузницы: «Если этотъ конь объѣдетъ всѣ четыре стороны, то можетъ тебѣ вó вѣки служить». Онъ же на коня не сажается, больше его опасается: сдѣланъ конь изъ несчастнаго человѣка, и изъ злобнаго, и изъ страшнаго, изъ немилостиваго. Вдругъ обдумалъ Ивашка своей буйной головой: «А скоро живъ въ руки не дамся!» Сѣлъ на добрà коня и поѣхалъ. Объѣхалъ двѣ стороны—конь развалился. Является къ кузнецамъ въ кузницу: «Такъ и такъ, конь развалился!» Господа кузнецы, добры молодцы, нагрѣваютъ двѣнадцатеро клещи, берутъ злодѣйку во огненны клещи, выбиваютъ изъ нея добраго коня для Ивашки, чтобы онъ могъ Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ, во вѣки служить. Чище того сдѣлали добраго коня,

ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ Ивашка на добраго коня, объѣхалъ кругъ четыреграннòй кузницы, аки птица. Выходятъ двѣнадцать кузнецовъ, добрыхъ молодцовъ, проздравляютъ Ивашку съ конемъ: «Что, Ивашка Бѣлая Рубашка, ты же былъ, Горькій Пьяница! Въ послѣднемъ кабакѣ зря валяешься, а нынче на дикòй степѣ помыкаешься? Что, стòитъ ли конь того стараго коня?» «Благодарю, господа кузнецы, этотъ конь стоитъ того коня и можетъ мнѣ во вѣкъ служить. Затѣмъ, господа кузнецы, прощайте!» Отвѣчаютъ кузнецы: «Можешь, Ивашка отправиться, а на конѣ то да пропадешь?» Подхватилъ слово Ивашка неладное, обращается назадъ къ кузнецамъ: «Что, господа кузнецы, научите глупаго на разумъ». «А то то», говорятъ,—«Ивашка Бѣлая Рубашка, ты же былъ горькій пьяница, не хвались въ пиръ идучи, а хвались изъ пиру. Поѣдешь путемъ дорогой, кажнему кланяйся, догонишь: «миръ дорогой, добрый человѣкъ»; кто при дорогѣ работаетъ: «Богъ нà помочь» сказывай и старику, и доброму молодцу и баушкѣ, и молодицѣ; придется сказать красной дѣвицѣ, и ей скажи». «Слушаю, господа кузнецы, приказанье ваше!» Ударилъ добраго коня по крутымъ бедрàмъ—только его кузнецы и видѣли. Улетѣлъ какъ младъ ясёнъ сокóлъ. Подъ нимъ его добрый конь горы долы перепрыгиватъ, темные лѣса межу ногъ пускатъ, большія дороги хвостомъ застилаетъ. И проѣхалъ, и многое множество и нѣсколько людей перегонялъ, и сказывалъ: «миръ дорогой», встрѣчающимъ кланялся. При большой дорогѣ красная дѣвица жнетъ пшеницу. Космы ея по плечамъ лежатъ, сопли ея на губахъ лежатъ. Нужно Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ сказать ей: «Богъ нà помочь!» Его сердце къ ней не обращается. «Что же я, славущій, сильный, могучій богатырь, мало со мной спорщиковъ, и неужли же», говоритъ,—«я этакой соплюхи не стою? Не скажу ей: «Богъ нà помочь!» И поѣхалъ мимо ея. Не больше отъѣхалъ разстояніе трехъ саженей, красная дѣвица закричала громкимъ голосомъ: «Охъ, Ивашка Бѣлая Рубашка, ты же Горькій Пьяница, кузнецовъ наказъ не исполняешь!» (Она угадала чтò тѣ наказывали Ивашкѣ).

Услыхалъ Ивашка красной дѣвицы голосъ, чтò она говоритъ справедливо, обращается Ивашка на своемъ на дòброемъ конѣ къ красной дѣвицѣ, слѣзаетъ съ свово добраго коня и сказы-

ватъ: «Богъ тебѣ на помочь, красная дѣвица! Прости меня Христа ради! Не исполнилъ я кузнецовъ наказъ!» Главу ея повязалъ, сопли платкомъ утиралъ, во сахарныя уста ее цѣловалъ. «Прости Христа ради, красная дѣвица!» Отвѣчаетъ красная дѣвица ему: «Просящаго Богъ прощаетъ, и я тебя прощаю, а не на надо бы такъ тебѣ дѣлать. Ну поѣзжай съ Богомъ, куды ты вздумалъ. Попадется тебѣ царь Дорода на одной ногѣ, одна нога короче. Онъ стоитъ и повертывается, кто бы ни проѣхалъ на конѣ, того дожидается; онъ же на одной ногѣ въ перегонъ съ конемъ сбирается. Ты съ нимъ не ѣзди. Онъ положитъ въ бѣгъ въ теченіи разстоянія недальше двадцати пяти верстъ, кто кого перегонитъ. Если ты его перегонишь—ты съ него голову долой; если онъ тебя—ты будешь его. Ну, можете съ Богомъ ѣхать!» «Затѣмъ прощайте, красная дѣвица, благодаримъ васъ за ваше неоставленіе!» И поѣхалъ въ путь дорогу. Ѣдетъ путемъ дорогой и стоитъ царь Дорода, — виситъ одна нога короче; кругомъ повертывается, съ Ивашкой здоровается: «Здравствуй, Ивашка Бѣлая Рубашка и Горькій Пьяница! Отъ дѣла лытаешь, или дѣло пытаешь? Куда путь держишь?» «Отъ дѣла не лытаю, а больше себѣ дѣло пытаю. Путь держу куды Богъ приведетъ. «Я тебя не пропущу! Давай поиграмъ въ перегонъ!» Ивашка былъ сердитъ, крѣпко горячъ; посмотрѣлъ и думаетъ себѣ: «Можетъ ли онъ меня на этакомъ конѣ перегнать? Онъ старикъ, чуть можетъ на одной ногѣ стоять...» Согласился Ивашка съ нимъ въ перегонъ поиграть. Они съ нимъ побѣжали. Не больше Ивашка проскакалъ двѣнадцати съ половиной верстъ. Царь Дорода съ нимъ вмѣстѣ побѣжалъ, двадцать пять верстъ убѣжалъ и на двѣнадцати верстахъ ему встрѣчу повидѣлся; забралъ Ивашку въ свое жительство, и приводитъ его царь Дорода въ свой домъ, а его домъ былъ огороженъ желѣзнымъ тыномъ, и на кажней тычинкѣ кругъ дому человѣчьи головы, а на одной нѣтъ. И сказалъ царь Дорода «На этой тычинкѣ быть твоей главѣ! Ну, я съ тебя зря ее не сыму, я задамъ тебѣ разныя задачи». У царя же Дороды была вторая жена, изъ Ягихъ Бабъ; было у царя Дороды двѣнадцать дочерей: одиннадцать отъ этой матери, а двѣнадцатая большая самая, была отъ первой жены. И было у нихъ, у двѣнадцати дочерей, у кажней своя келья. Вотъ же царь Дорода и говоритъ Ивашкѣ: «Вотъ я тебя, Ивашка, запру въ эту

темницу. У меня есть двѣнадцать дочерей и двѣнадцать у нихъ комнатъ; одиннадцать отъ этой жены, а одна отъ первой. Я тебѣ завтра выстрою ихъ подъ рядъ всѣхъ. Если ты можешь узнать, которая у меня дочь отъ первой жены, тогда главу съ тебя не сымаю, домомъ тебя надѣляю; а не узнашь—голову съ тебя долой». А гдѣ же Ивашкѣ узнать? Онъ отъ роду ихъ не видалъ. Заперъ Ивашку въ темницу, заперъ его замками, завалилъ его камнями. Какъ глухая полуночь приходитъ, подходитъ къ двери его же большая дочь, отъ прежней его жены, и стучитъ тихимъ стукомъ: «Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, что ты горько плачешь?» «Ой еси, красная дѣвица, какъ мнѣ не плакать? Послѣднюю я ночь ночую на вольномъ свѣтѣ». Отвѣчаетъ ему красная дѣвица: «Что на что̀ и тебя за что̀?» «Вотъ что̀ приказалъ вашъ то тятенька: есть у него двѣнадцать дочерей, одиннадцать отъ молодой жены, а одна отъ старой жены, и хотѣлъ онъ мнѣ ихъ на утро вывести, а я ихъ совсѣмъ не знаю». Отвѣчаетъ она ему: «Ложись съ Богомъ, спи, я придамъ тебѣ разуму. Онъ насъ нарядитъ въ одну одёжу; мы всѣ равны: подъ одинъ голосъ и подъ одинъ волосъ, подъ одну черную бровь. Онъ меня поставитъ съ праваго боку, крайну. Прямо за меня и берись, а если онъ у тебя вырветъ меня и скажетъ: Дѣвки перебѣги! и они перебѣгутъ; на послѣдъ того онъ опять разставитъ и поставитъ меня съ лѣваго боку, отъ края другою, то смотри держи крѣпко. Если опять отниметъ, не узнаю гдѣ поставитъ».

Онъ же легъ молодецъ, спать не спитъ, свѣту дожидается и къ смерти собирается. По утру встаетъ ранёхонько, умывается горькими слезами бѣлёхонько, печалью утирается, на̀ смерть собирается. Является къ нему нѐдругъ царь Доро́да, разставилъ дочерей по порядку, подводитъ его къ нимъ и говоритъ: «Ты же, Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, по чисто̀му полю зря шатаешься, вотъ тебѣ задача. Не желаю съ тебя голову снять, желаю тебѣ задачу дать. Хочу тебя обра̀чить. Вотъ тебѣ двѣнадцать дочерей; узнай, которая дочь послѣ той жены. Если узнашь—будетъ твоя о б р у ч ѐ в н а я жена, а не узнашь — голову съ тебя долой». Ивашка тотъ часъ былъ больно не ве́селъ, буйную свою голову повѣсилъ ниже могучіихъ своихъ плечъ: ко злодѣю въ руки попалъ. Подумалъ, подумалъ Ивашка: «Двухъ смертей не бывать, а одной

не миновать! Что моей головѣ будетъ? Дай ея наказъ исправлю». И брался Ивашка за красную дѣвицу съ праваго боку, за крайну. Царь Дорóда видитъ дѣло неладно; изъ рукъ ее отымаетъ, въ кучу ее толкаетъ. Сказалъ царь Дорóда: «Дѣвки! Смѣшаться» Одна за одну, другà за другýю, склýбились и кучей сдѣлались. Прозвѣвалъ Ивашка. Онъ у него суженую изъ рукъ отнялъ, опять всѣхъ подъ рядъ разставилъ. «Ну, теперь же, Ивашка, узнай!» Ивашка кругомъ обошолъ, подумалъ съ своей съ буйной головой. «Ахъ, да ну», сказалъ Ивашка,—«попытка не шутка, а спросъ то не бѣда вѣдь? Да ка еще разъ попытаю!» Смѣлымъ своѐмъ шагомъ съ лѣваго флàнку и цопнулъ вторую дѣвицу и прижалъ крѣпко ее къ себѣ. Царь Дорóда видитъ—дѣло плохо: живъ въ руки Ивашка не дается. Сталъ Дорóда ее рвать и сталъ крѣпко отымать. Онъ—за дѣвицу, дѣвица—за молодца. И говоритъ дѣвица: «Будетъ, тятенька, пыгралъ разъ, а начни-ка снова!» Царь Дорóда и говоритъ: «На утро задачу задаю. Дѣвки, по избамъ!» Дѣвки разошлись по избамъ, и повелъ царь Дорóда Ивашку въ тоё же темницу, гдѣ онъ ночь провелъ, и сказалъ ему: «Узнай—которая ея комната» (а онѣ всѣ подъ рядъ) и заперъ его замками.

Приходитъ царь Дорòда ко своей женѣ и говоритъ: «Узналъ». Сердитыемъ, грубыемъ взглядомъ она глядѣла и говоритъ ему: «Гдѣ бы ему узнать? Ея б.....я мудрость!» И спрашиваетъ его Ягая Баба, его жена, ея мачиха: «Чтò ты еще ему задалъ?» Отвѣчаетъ ей царь Дорòда: «Узнать ея комнату». «Ну, да ладно», сказала жена.

Сидитъ Ивашка въ темной темницѣ, не пимши, не ѣмши. Поплакалъ, поплакалъ и съ горя пѣсенки запѣлъ. Приходитъ къ Ивашкѣ глухая «полуночь и такая на Ивашку грусть напала, опять горько заплакалъ. «Полуночныя звѣзды», говоритъ,—«проходятъ, новыя звѣзды къ свѣту начинаются, я же, добрый молодецъ, смерти дожидаюся!» Скоро является къ нему нареченная невѣста, постучала въ двери: «Ивашка! Отверзь мнѣ двери!» «Не могу отверзить двери: заперты». Она же пиннула ногой, и двери отперлúсь, и замки къ чорту убрались. Взошла, Богу помолилась, Ивашкѣ поклонилась: «Здравствуй, милый мой нареченный женихъ! Что горько плачешь?» «Какъ мнѣ горькому не плакать? Я свѣту дожидаюсь и смерть блúжится». «Ложись, спи до свѣтлà, не придетъ

къ тебѣ бѣда. Скажи, что̀ тебѣ тятенька приказалъ!» Отвѣчаетъ Ивашка красной дѣвицѣ: «А вотъ что̀ онъ мнѣ сказалъ: затопите вы свои всѣ хаты вмѣстѣ, узнать которая твоя». Вотъ дѣвица и говоритъ: «Ложись съ Богомъ, спи, научу какъ дѣло сдѣлать. Какъ мы печки затопимъ, изо всѣхъ трубъ повалитъ дымъ столбомъ, а изъ моей трубы пойдетъ возжей. Тутъ и иди!» «Хорошо». Ночь прошла, приходитъ свѣтъ. Идетъ царь Доро̀да, запоры не попорчены: Красная дѣвица сама отперла и опять его заперла. (Не могъ онъ этаго дѣла знать, что она у него была). Къ нему въ темную темницу приходитъ, на вольный свѣтъ его выводитъ. И сказалъ ему царь Доро̀да: «Узнай которая твоей невѣсты келья!» Кельи всѣ, какъ одна, подъ рядъ стоятъ. Онъ смотритъ: изо всѣхъ дымъ валитъ столбомъ, а изъ одной—возжей. Подумалъ же Ивашка: «Первый разъ», говоритъ,—«не обманула, а попытка не шутка. Да ка пойду тутъ, гдѣ велѣла». Взошолъ Ивашка, Богу помолился, красной дѣвицѣ поклонился и говоритъ Ивашка: «Что, тятенька, тутъ ли зашелъ?» «Тутъ», говоритъ,—«нареченный зять». Отправляется царь Доро́да къ своей женѣ, сказываетъ, что узналъ. Отвѣчаетъ ему жена: «Это не онъ узналъ, а она узнала, она ему сказала». Велѣла ему Ягая Баба разлучить его съ ней, запереть его опять въ темну темницу. Въ ихъ во дворѣ былъ протёкъ рѣчки на десяти саженяхъ. Вздумала его жена: «Дай ему задачу, чтобы онъ на той сторонѣ выстроилъ церковь кругъ одной ночи, чтобы было ихъ гдѣ обвѣнчать».

Приходитъ царь Доро́да къ нимъ въ комнату. «Ну, пойдемъ», говоритъ,—«нареченный зять, въ темницу. Задамъ я тебѣ большую задачу. Найми рабочихъ и плотниковъ, чтобы кругъ ночи на этимъ острову была церковь устроена, было бы намъ гдѣ тебя обвѣнчать». Ивашка Бѣлая Рубашка говоритъ ему: «Сдѣлаю», говоритъ,—«тятенька!» Научила его нареченная невѣста и сказала: «Ложись съ Богомъ, спи! Церковь будетъ готова!» Онъ спать не спитъ, въ окошечко смотритъ. Крикъ, превеликій зыкъ, стукотня—пріѣхали мастера, плотники и живописцы, церковь сдѣлали кругъ ночи и иконы написали. Она на заряночкѣ приходитъ, его обручевная жена, темную темницу расперла̀ и говоритъ Ивашкѣ: «Переѣзжай, Ивашка, на лодкѣ, прибивай по́лочки; я тятенькѣ отвѣчу, кто тебя выпустилъ». Приходитъ же царь Доро́да къ Ивашкѣ,

хвать въ темной темницѣ Ивашки нѣтъ. Ивашка въ цѐркви. Приходитъ въ церковь, осмотрѣлъ: отлично хорошо. Ну, царь Дорода по головкѣ его погладилъ и не спросилъ, кто его отперъ. Приходитъ царь Доро́да къ своей женѣ и сказываетъ, что удивленье какую у насъ на острову намъ зять церковь состроилъ. Эта же ея мачиха: головой помотала, б . . . . ю ее поругала: «Охъ охъ-охо-охо! Это ея б . . . . . и мудрости! Ну, еще скажи, чтобы онъ завтра сдѣлалъ мостъ черезъ рѣку. Въ темницу не запирай, оставь его съ ней». Приходитъ царь Доро́да къ нареченному зятю, называетъ царь Доро́да: «Нареченный мой зять! Устрой кругъ ночи мостъ, чтобы гдѣ было тебѣ проѣхать къ церкви, тебя обвѣнчать». Сказалъ ему Ивашка: «Будетъ, тятенька, готовъ; корми коней!» (А куды ѣхать? Будетъ только пѣшкомъ пройти). Приходитъ Ивашка къ своей нареченной невѣстѣ, спрашиваетъ его она: «Что̀ сказалъ тебѣ тятенька?» Отвѣчаетъ Ивашка ей: «Со́ страхомъ тятенька сказалъ черезъ эту рѣчку сдѣлать мостъ, кругъ ночи, гдѣ бы намъ съ тобой въ церковь завтра пройти вѣнчаться». Сказала ему нареченная невѣста: «Ложись съ Богомъ, спи, все будетъ дѣло исправно». «Ну, да хорошо же». Легъ Ивашка, спитъ и у д . . ы пузыри. Слушаетъ ночнымъ бытомъ Ивашка, кто кричитъ: Тпрру! кто кричитъ: Но! Везутъ лѣсъ на сваи, на огнивы и на мостовиникъ. Лѣсу навезли, стали работа̀ть. Зорька занялась— мостъ готовый. Разсвѣтало, вышелъ Ивашка съ топорикомъ, постукиваетъ, перилки приколачиваетъ. Приходитъ царь Доро́да, только ахнулъ: «Ахъ, да и будетъ! Я мудренъ; онъ мудренѣй меня!» У царя Доро́ды не пиво варить, не вино курить. Не спрося никого, самъ ихъ обвѣнчалъ и жить ихъ заставлялъ. Посылаетъ на утро къ нимъ въ домъ ея мачиха свою родную дочь: «Дочь моя мила, дочь моя разумна, поди сходи къ зятю, скажи, чтобы исправили мнѣ обѣдъ: проздравить ихъ съ законнымъ бракомъ; я приду». Приходитъ къ нимъ ея неродная сестра, проздравляетъ: «Здравствуй», говоритъ,—«сестрица! Ты», говоритъ,—«нажила себѣ мужа, а мы не наживемъ во вѣки вѣковъ. Приказала», говоритъ,—«вамъ мамынька постряпать». «Хорошо», говоритъ,—«скажи ей: будетъ готово». Посылаетъ ея вѣнчанна́я дочь Ивашку: «Иди, Ивашка, на скотный дворъ, поймай нѣтъ лучшаго барана и тащи ко мнѣ». Пошелъ же Ивашка, поималъ барана, принесъ домой. Они прямо его въ печь неснятаго

и положили. Приходитъ къ нимъ мачиха. Пришла съ сердцемъ; «Дай мнѣ, б . . . ь, ѣсть!» А она Ивашку оборотила иголочкой и сунула въ стѣну, чтобы мачиха не видала; за столъ ее сажала, барана на столъ вынимала. Она стала жрать, стала живкомъ глотать, всего съѣла, въ полсыти не наѣлась. Скочила изъ-за стола и давай изъ стѣнъ мохъ теребить, его искать (съѣсть хотѣла). Только бы его захватить, дочь то и говоритъ: «Мамынька! Ты мохъ то вытеребишь, у меня келья то студена будетъ». Сказала ей мать: «Ну, добро же, б . . . ь!»

Призываетъ на утро мать вторую родную дочь: «Поди же, иди, да скажи зятевой дочери какъ можно исправили бы мнѣ обѣдъ». Приходитъ къ нимъ дочь и не родная ея сестра. «Вотъ», сказываетъ,—«исправьте, сестрица, мамынькѣ обѣдъ». «Скажи, сестрица, что будетъ готовъ». Пошла молодая и сказала мужу Ивашкѣ: «Принесь поди быка, пымай его за рога и веди его сюда». Ивашка пымалъ нѣтъ лучшаго быка и обраталъ его за рога; кусками его изрубилъ и въ печку положилъ. Положили и закрыли его крышкой. Является къ нимъ гостья, не родная ея мать, и стала ее б . . . . ю звать: «Дай обѣдать!» Обѣдать она ей собрала, а мужа своего Ивашку прибрала: оборотила уголькомъ и положила въ горнушку. Стала мачиха быка жрать, мослы въ окошко кидать; всего сожрала и сыта не была. Сыта не была, скочила изъ-за стола и стала изъ горнушки жаръ хватать, только искры посыпались. Жаръ хватаетъ и въ кадыкъ его кидаетъ. И вотъ-вотъ только бы Ивашку сохватить и живкомъ его сглотить, дочь и говоритъ: «Охъ, мамынька, оставь-ка мнѣ одинъ уголекъ, чѣмъ будетъ мнѣ завтра придуть огонекъ?» Она крѣпко на нее осерчала и изъ комнаты убѣжала. Дочь уголекъ изъ горнушки вынимала, духомъ его обдувала; изъ этого уголька Ивашку сработала и говоритъ: «Охъ, милый мой другъ Ивашка, намъ съ тобой здѣсь не житье. Айда-ка, лучше отправимся бѣжать куда глазы глядятъ». Вотъ хорошо. Ивашка согласился на ея слова, и ударились бѣжать. Вдругъ ихъ хватились, что въ домѣ ихъ нѣтъ. Посылаетъ неродная мать большую свою дочь ихъ догнать. Сѣла дочь въ желѣзную ступу и начала желѣзнымъ пестомъ погонять: «Охъ да!» и сказала: «Го́лонъ го́лонъ голынгачъ!» Молодица учуяла, что земля дрожитъ, и говоритъ своему мужу Ивашкѣ:

«Гонятъ за нами въ погоню. Припаду я къ сырой землѣ — узнаю кто гонитъ». Припала къ сырой землѣ и говоритъ Ивашкѣ: «Гонитъ да только сестра». Махнула же она молодица лѣвой рукой: сдѣлала огромный лѣсъ, и не пролѣзетъ ея желѣзный пестъ. Оборотилась дочь назадъ и говоритъ матери, что некуда ѣхать: темный лѣсъ. Посылаетъ Ягая баба своево мужа, царя Дорòду. Охъ же царь Дорòда затопился какъ мòлонья, живой рукой хочетъ догнать, ее отнять. У молодицы сердце закипѣло, и говоритъ она Ивашкѣ: «Охъ Ивашка, гонятъ въ погонь! Больно земля колухается, самъ батюшка скачетъ. Ну да», говоритъ,—«страшенъ сонъ да милостливъ Богъ!» Попросила Бога, махнула правой рукой; его оборотила цѐрковой, а сама—дьячкомъ. Царь Дорóда вошелъ въ церковь и говоритъ: «Здравствуй, «дьячекъ!» «Здравствуй, царь Дорбда!» «Чтò я тебя хочу спросить». «Спроси», говоритъ дьячекъ,— «отвѣчу». «Не видалъ ли молодца съ молодицей? Не проходили ли тутъ?» Дьячекъ говоритъ: «Третій годъ служу—не видалъ никого». Обращается царь Дорòда назадъ, прибѣгаетъ къ женѣ. Спрашиваетъ его жена: «Что ты, гдѣ былъ? Далеко ли бѣжалъ? Кого видалъ?» «Я», говоритъ царь Дорóда,—«далеко бѣжалъ, никого не видалъ, только видѣлъ церковь и дьячка». Сказала ему жена: «Охъ безумная старая твоя голова! Дьячекъ-отъ—она, а цéркова то зять. Не умѣлъ ты ихъ взять! Дайте ка мою желѣзную ступу!» И стала пестомъ погонять, по три версты одинъ прыжокъ давать, и хочется больно ихъ догнать. Шибкимъ громомъ, съ вихоремъ полетѣла и хвостомъ завертѣла. И учуяла ее дочь—земля поколыбалась, и говоритъ молодица Ивашкѣ: «Ну, Ивашка, подумать надо: гонитъ сама матушка!» Сѣла, подумала. Топнула своими рѣзвыми ногами,—разлилось большое молочное озеро. Махнула правой рукой—сдѣлала берега кисельные; оборотила Ивашку сележкóмъ, а сама стала уточкой,—и плаваютъ по молочному» озеру, киселекъ похлéбываютъ, молочко прихлéбываютъ. Подскакала ихъ злодѣйка и сказала: «О, я вижу, б...ь, твое мудрости! Теперь я съ тобой не разстанусь! Киселя наѣмся, молока напьюсь!» Кисель жретъ, молоко пьетъ; озеро убываетъ. Они всхлопнутъ крылышками, полетятъ и сядутъ на озеро, поцѣлуются и врозь поплывутъ, Ягую бабу подразниваютъ. И говоритъ ей Ягая баба: «О, б...ь, не дразни! Озеро высушу и кисель съѣмъ, и васъ ра-

зорву!» Молока напилась и киселя наѣлась—тутъ ее и рóзорвало. Я тамъ былъ да медъ пиво пилъ; по усу текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синь кафтанъ, а мнѣ послышалось: скинь кафтанъ! Скинулъ да на кустикѣ и повѣсилъ и теперь тамъ виситъ. А Ивашка сталъ жить да поживать, да добра наживать, а худо то проживать. Со спины то стали горбáтѣть, а спереди то стали богáтѣть.

(Записано со словъ Абрама Новопольцева, крестьянина с. Помряськина, Самарск. губ. Ставроп. уѣзда).